

Научная статья

УДК 340.5; 347.51

DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-4-37-46

Влияние римских деликтов права на формирование обязательств из причинения вреда в отечественном праве

Сергей Викторович Зыков

Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия

Zykovsv@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются римские деликты, в измененном виде закрепленные в византийских правовых памятниках, ставших частью системы права средневековой Руси, а также получившие отражение в собственно отечественных актах эпохи. В имперский период правовые позиции классического римского деликтного права в сфере «вознаграждения за вред» закреплялись в судебной практике, которая долгое время на них опиралась, и в цивилистической доктрине. Последняя примерно к началу XX в. отказалась от прямых отсылок к римскому праву, сохранив его подходы. Единственный концепт, который отечественное право подавляющую часть своей истории не принимало, – безвиновная ответственность.

Ключевые слова

византийское право, римское право, ответственность за причинение вреда, обязательство, вред, деликт, Российская империя, рецепция

Для цитирования

Зыков С. В. Влияние римских деликтов права на формирование обязательств из причинения вреда в отечественном праве // Юридическая наука и практика. 2025. Т. 21, № 4. С. 37–46. DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-4-37-46

The Influence of Roman Torts on the Formation of Obligations from Causing Harm in Domestic Law

Sergey V. Zykov

Institute of philosophy and law of SB RAS,
Novosibirsk, Russian Federation

Zykovsv@yandex.ru

Abstract

This article examines Roman torts, as they were codified in modified forms in Byzantine legal texts that became part of the legal system of medieval Rus', and also reflected in Russian legal acts of the era. During the imperial period, the legal positions of classical Roman tort law in the area of "compensation for damages" were enshrined in judicial practice, which relied on them for a long time, and in civil law doctrine. The latter, around the beginning of the 20th century, abandoned direct references to Roman law while retaining its approaches. The only concept that Russian law rejected for the vast majority of its history was no-fault liability.

Keywords

byzantium law Roman law, liability for causing harm, liability, harm, torts, Russian Empire, reception

© Зыков С. В., 2025

For citation

Zykov S. V. The influence of Roman torts on the formation of obligations from causing harm in domestic law. *Juridical Science and Practice*, 2025, vol. 21, no. 4, pp. 37–46. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2025-21-4-37-46

«Частные деликты» (выделяемые в классическом римском праве исходя из характера требований – D.47.1.3) первоначально воспринимались отечественным правом через византийские правовые памятники.

Первым собственно византийским правовым сборником была Эклога¹ (741 г.), содержащая титул XVII «О наказаниях», в котором среди преступлений сохранялись и классические частные деликты: гибель объекта при пользовании вне пределов, установленных договором (XVII, 7 – D.13.6.23); последствия столкновения между домашним скотом – возмещение стоимости животного, подвергнувшегося нападению или предоставление аналогичного (XVII, 9 – D.9.1.1.11); ноксальная ответственность за действия раба (XVII, 9 – D.9.4.38) и т. п.

В Эклоге проявились черты византийской правовой традиции, в которой из Корпуса Юстиниана (преимущественно из Дигест) отбирались нормы, соответствующие существующим реалиям, с группировкой по юридическим подотраслям, тем самым решая проблему громоздкости и бессистемности Дигест без отказа от их содержания.

Конечно, просматриваются и отдельные черты феодального сословного подхода. При первом совершенном воровстве ответственность соответствует римскому праву (возврат вещи и уплата ее двойной стоимости), но в случае, если субъект неимуший, то последствия личные: сечение и изгнание (XVII, 11).

Дополнением к Эклоге выступал Земледельческий закон, в котором обнаруживаются уже знакомые нормы о пользовании быком для неоговоренных работ (ст. 37); обязанности возместить двойную стоимость умерщвленных животных (ст. 54); штрафе в размере двойной стоимости при повторном воровстве из амбара чужого зерна (ст. 68). Распространение огня на чужие дома и поля, обусловленное сильным ветром, освобождало разжегшего его от ответственности (ст. 56 – ср. D.9.2.30.3).

Император Лев VI поручил в 907 г. составить краткий сборник, поименованный Прохирон² («руководство») [10, с. 176–178], который отчасти следовал структуре Эклоги, но был значительно больше по объему. Частные деликты также попали в титул XXXIX, озаглавленный «О наказаниях». Здесь также обнаруживаются древние ноксальные иски (XXXIX, 55); штрафы от стоимости похищенного за явное воровство при пожаре, землетрясении, кораблекрушении (XXXIX, 25 – D.47.9.1); двойной штраф за посягательство на чужую землю и за умерщвление чужого скота (XXXIX, 48, XXXIX, 51). В XXXIX, 50 мы обнаруживаем уже упомянутую норму о риске случайной гибели объекта пользования не в соответствии с условиями договора, но если в римском праве речь шла только о договоре ссуды (D.13.6.5.7), то здесь распространяется на любой договор. В византийском праве проявлялась тенденция к обобщению правовых норм, к отказу от классической римской казуистичности, однако современные формулировки мы видим только в очень позднем Шестикнижии К. Арменопуло (1375 г.)

Характеризуя византийские памятники, мы одновременно характеризуем их и как памятники отечественного права. Полные переводы Прохирона и Эклоги безусловно появились на Руси в составе кормчих в XIII в.; в тот же период светские (княжеские) суды получили из церковной среды специальное наставление «Мерило праведное», также содержащее эти тексты. До указанного периода обнаруживаются лишь отдельные выдержки из указанных памятников, однако есть данные, свидетельствующие об их хождении на Руси в XI в. на греческом

¹ Эклога: Византийский законодательный свод VIII в. / [вступ. статья, пер., коммент. Е. Э. Липшиц]. М.: Наука, 1965. 226 с.

² Ὁ προχίρονος νόμος. *Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochiron* / С. Е. Zachariж. Heidelbergae, 1837. 368 p.

языке в составе византийских номоканонов [18, с. 237–238]. Следует учитывать, что компетенция церковных судов в ранний период отечественной истории была очень широкой, при этом, например, из двадцати четырех первых архипастырей только двое были русскими по происхождению, в отношении их обоих предполагается получение высшего образования в Византии [18, с. 191–206], неудивительно, что они несли византийскую культуру, в том числе правовую.

В грани лф «о казнях» Закона градского воспроизведены вышеуказанные положения Прохирона, заимствованные из римского права (при этом перевод максимально приближен к обыденной речи, содержит минимум южнославянизмов).

Эклога в Кормчей книге помещена сразу за Законом градским под наименованием «Леона царя премудрого и Константина главизны о совещании обручения и о брацах и о иных различных винах». Положения уже характеризовались: двойная стоимость («сугубное») «чюжие овцы иначе погубивше» (мг); возмещение убытков за гибель коня при выходе за согласованные пределы пользования («паче же нареченного места того отведе» – ме) и т. п.

Византийский Земледельческий закон попал на Русь в составе компиляции «Книги законные» в конце XII – начале XIII в. под заглавием «Законы земледельные от Устиниановых книг» (обратим внимание, что переводчик недвусмысленно отразил связь с корпусом Юстиниана), при этом незначительное число положений, специфических для такой культуры, как виноград было опущено, и наоборот, в ряд гипотез были добавлены «конь», мед»³, т. е. произведена адаптация правового материала.

Переходя к памятникам непосредственно отечественного происхождения, следует упомянуть договоры Руси с Византией. В ст. ст. 6 и 7 Договора 911 г. предусматривалось возмещение в тройном размере стоимости похищенного (убытков) в случае воровства, предполагающего возможность поимки на месте преступления или с применением насилия. Классическое римское право предусматривало ответственность за неявную кражу в двойном размере, а с применением насилия – в четверном (D.47.8.1), тройной иск выглядит как результат компромисса.

В ст. ст. 5 и 6 Договора 944 г. предусматривалась ответственность за кражу в виде двойной стоимости похищенного, а при краже ромеем у русского – возврат и дополнительно цена похищенного (в классическом римском праве штраф взыскивался дополнительно к возврату похищенного – D.47.2.48).

В отечественной историографии тема влияния византийского (римского) права на Краткую Русскую правду имеет объемную литературу. Еще В. О. Ключевский выделял в этом качестве ответственность за использование чужого коня и нокальную ответственность за действия зависимого лица [6, с. 218–219].

Ф. Фельдбрюгге (F. Feldbrugge) скептически относится к такому влиянию и критикует отечественных исследователей (Н. Калачева, Е. Э. Липшиц, Н. А. Максимейко, В. И. Сергеевича) за указание параллелей с византийским правом, считая положения слишком общими, чтобы можно было установить генетическую связь [19, р. 141], такая позиция в настоящее время является общим местом и в отечественной литературе [4, с. 252]. Однако если мы обратимся непосредственно к аргументации исследователей, то увидим достаточно обоснованные предположения. Скажем, говоря об «обиде», Н. А. Максимейко отмечает, что, как и римская *iniuria*, это понятие используется в двух значениях: во-первых, посягательство на личность, во-вторых, противоправность деяния [8, с. 158–160].

В Пространной Русской правде византийское (римское) влияние бесспорно просматривается в ст. 46 (ответственность за похищенное рабом в виде двойной стоимости украденного). По предположению Ф. Фельдбрюгге (F. Feldbrugge), это положение появилось в конце XI в. под влиянием знакомого с основами византийского права греческого священнослужителя при дворе князя [19, р. 141].

³ Византийский Земледельческий закон = *Nomos georgikos*: Текст. исслед., коммент / подгот. Е. Э. Липшиц и др.; под ред. И. П. Медведева. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. С. 212–214.

Говоря о деликтах, следует упомянуть славянский Закон судный людям, однако вряд ли целесообразно на нем подробно останавливаться: нормы о частноправовой ответственности преимущественно взяты из Эклоги. Статья (глава) XIV: поджог или порубка чужого леса (двойная стоимость уничтоженного); XXV: выдача раба вора или денежное возмещение; XXIV: пользование конем вне согласованных пределов и т. п. Главе XV (основания освобождения от ответственности разжегшего огонь) соответствует упомянутая ст. 56 византийского Земледельческого закона.

Явно недостаточным было регулирование частных деликтов в Судебнике 1497 г., который содержал лишь положения о возможности взыскания убытков дополнительно к уголовной ответственности (ст. ст. 10–13, 39, 50 и др.). Аналогичные положения мы находим в Судебнике 1550 г. (ст. ст. 3, 4, 12, 25, 55, 56 и др.). Такая заведомая недостаточность регулирования частноделиктных отношений неудивительна, если мы вспомним о действующих переводах Прохирона и Эклоги (заметим, актах гражданского права, действовавших наиболее длительный период в отечественной истории). Еще исследователь XIX в. Н. В. Калачов отмечал: «Источники туземные должны были, по своему существу, служить только к восполнению источников Византийских» [5, с. 73].

Прохирон (Закон градский) оказал непосредственное влияние на Уложение 1649 г. Оно начинается с положений публичного права, но и в них проявляются частноправовые концепты, например обязанность военнослужащих по пути к месту службы возместить убытки (VII, 7); в период военных действий – в двойном размере (VII, 22, VII, 24).

Как и предшествующее законодательство, Уложение 1649 г. предусматривает, наряду с уголовным наказанием или в качестве альтернативного ему, выплату денежной компенсации за «бесчестье», дифференцированную в зависимости от социального статуса субъектов возникшего правоотношения (статьи X, 28; X, 29; X, 32; X, 33 и след.; также XXIII, 3; XXIV, 1). Такой подход был чужд классическому римскому праву, хотя некоторые его предпосылки просматриваются (D.47.10.17.3: «ведь оскорбление вырастает соответственно личности того, кто его нанес»).

При этом сумма «бесчестья» (как и иных причиненных убытков) удваивалась, если они были связаны с насильственным проникновением в жилище («во двор» – X, 198; X, 199), в классическом римском праве такие действия составляли самостоятельный состав *iniuria* (D.47.10.5). Среди других видов «бесчестья» мы можем найти непринятие приговора третейского суда (XV, 5; аналогичный штраф – ср. D. 4.8.27.6, D.4.8.27.7).

«Бесчестьем» является оскорбление «непригожим словом» жены или дочери – в двойном (четверном) размере от причитающегося мужу или отцу⁴. При причинении *iniuria* женщине право на иск имели также ее муж и отец (G.3.221), без погашения этих исков (D.47.10.1.9), иначе говоря, допускалась двух- или трехкратность присуждения возмещения (D.47.10.18.2).

Займствования из Закона градского в некоторых случаях прямо указывались (например, правила X, 224–228 об ответственности за поджог в зависимости от обстоятельств и вины поджигателя восходят к Дигестам: D.9.2.30.3 и D.47.9.11).

Вместе с тем нормы Уложения 1649 г., касающиеся чужих охотничьих угодий, привады, бортовых деревьев и т. п., позаимствованы из литовского законодательства, что очевидно обусловлено сходством природных условий и способов хозяйствования, отсутствовавших (либо почти не имевших значения), как в Римском государстве, так и в Ромейской империи.

При регулировании ответственности за действия животного выделялись: а) умышленное натравливание собаки («доправить бесчестье и увечь и убытки вдвое» – X, 281); б) небрежность при содержании животного (полное возмещение причиненных убытков; при продолжении небрежного содержания – передача животного челобитникам – X, 284). Здесь очевидно

⁴ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарий / Абрамович Г. В., Ивина Л. И., Маньков А. Г., Миронов Б. Н., и др.; редкол.: Буганов В. И., Ирошников М. П., Маньков А. Г., Панях В. М. Л.: Наука. 1987. С. 191.

сходство с ответственностью за вред по закону Аквилія, при отсутствии безвиновного вреда, причиненного животным в силу его «дикости» (D.9.1.1.4.). Последний не воспринят Уложением 1649 г.: так, причинение вреда конем, вырвавшимся из узды (без умысла хозяина и невозможности удержать), не влекло никаких последствий для владельца (XXII, 18).

Самобытными (развивающимися положения предыдущего Судебника⁵) являлись нормы об имущественной ответственности должностных лиц (XXI, 84; X, 16; X, 150 и др.), хотя мы можем найти внешнее сходство наказания за ненадлежащее отправление правосудия в раз- мере суммы иска (X, 5) с римским квазиделиктом *judex litem suam fecit*.

Имеют самостоятельное происхождение и положения о фиксированных выплатах за членовредительство (XXII, 10), избиение (XXII, 11), несмотря на сходство с механизмом фиксированных штрафов в раннем римском праве (L.XII, 8, 3; 8, 4).

Некоторые частные римские деликты оказались криминализованы (как, впрочем, и в ви- зантийском праве), например воровство (татьба, XXI, 9), разбой (XXI, 16), хотя санкции в обо- их случаях включают в себя и имущественную ответственность (которая была солидарной, а гражданский иск удовлетворялся в первую очередь).

Только в имперский период произошло разделение гражданского и уголовного процесса, в качестве предпосылок – в XVIII в., окончательное – в результате судебной реформы 1864 г. [7, с. 9, 13]. В постпетровский период вектор частноправового регулирования сместился от рим- ского права в византийской форме к классическому римскому праву в виде, в котором они были рецепированы западноевропейскими континентальными государствами.

Деликтное право имперского периода первоначально продолжало развиваться на основе Уложения 1649 г. «Обиды» были разделены на тяжкие и простые, с установлением для по- следних гражданского иска [11, с. 267]. В целом нормативно-правовые акты XVIII в. не внесли ничего нового в регулирование деликтов [13, с. 15].

В Законах гражданских Свода законов Российской империи⁶ (далее – СЗРИ) деликтам по- священа глава 6 книги II «О праве вознаграждения за причиненные вред и убытки». Второе отделение было посвящено вознаграждению частному.

Нормы об истребовании имущества из чужого незаконного владения с разделением по- следствий в зависимости от добросовестности владения (ст. ст. 610, 626, 628 и т. д. СЗРИ) очевидно синхронны положениям римского права о расчетах сторон при удовлетворении вин- дикационного иска.

Ст. ст. 657, 658 СЗРИ требовали возмещения всех издержек на лечение и попечение лица, которому нанесены смертельные раны, а также на содержание семейства, находившегося на его иждивении.

Согласно ст. ст. 660, 661 СЗРИ, при причинении вреда здоровью возмещаются расходы на лечение, а также утраченное содержание семейства. Правительствующий сенат признавал, что причинение вреда здоровью дает право также на возмещение утраченного дохода самого пострадавшего (решение 1882 № 93)⁷, в классическом римском праве в этом случае давался иск по аналогии (D.9.2.13).

По сложившейся судебной практике для возмещения убытков семейству имел значение факт обязанности содержания, а не наследственные отношения (решение 1900 № 107)⁸. В рим-

⁵ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарий / Абрамович Г. В., Ивина Л. И., Маньков А. Г., Миронов Б. Н., и др.; редкол.: Буганов В. И., Ирошников М. П., Маньков А. Г., Панеях В. М. Л.: Наука. 1987. С. 202.

⁶ Законы гражданские // Свод Законов Российской империи. Т. 10. Ч. I. СПб., 1857. 104 с.

⁷ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1882. Петер- бург: Тип. Правительствующего Сената, 1883. С. 408–418.

⁸ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1900. Петер- бург: Тип. Правительствующего Сената, 1900. С. 353–358.

ских деликтах в аналогичных случаях во главу угла ставилась именно семейно-имущественная связь с лицом, которому причинен вред (например, D.9.2.7).

Некоторые деликты отечественного законодательства не имели аналогов в римском праве. Право требования содержания при обезображивании (ст. 662 СЗРИ), изнасиловании (ст. 663 СЗРИ), похищении (ст. 664 СЗРИ), понуждении или обмане при вступлении в брак (ст. 666 СЗРИ) ограничивалось моментом выхода замуж. Такое ограничение отсутствовало в римском праве, при этом критиковалось исследователями [1, с. 449–450]. Аналогичная ситуация имела место с ограничением субъектности требований по личной обиде только подвергшемся ей, но не супругом или родителями такого лица [1, с. 451].

Ст. 645 СЗРИ предусматривала ответственность за вред принятой на сохранение вещи, что объединяет с римским правом в восприятии в качестве деликтной, а не договорной ответственности (см. D.47.2.21.1, D.47.2.68–67, D.47.2.77–76, D.47.8.2.23).

Вред, причиненный животным, возмещался лишь в случае умысла использовавшего для этого животное (ст. 656 СЗРИ) или в недосмотре за ним (ст. 688 СЗРИ). Как и в предшествующий период, концепцию безвиновной ответственности отечественное право не восприняло; вред, причиненный источником повышенной опасности, появился только в конце XIX в. [13, с. 6].

Просматриваются черты римской *injuria* в институте нанесения личной обиды или оскорбления (ст. 667 СЗРИ). Предусматривалась компенсация, установленная в весьма широких пределах, но сами пределы, в отличие от классического римского права, все-таки установлены. Эта мера рассматривалась как альтернатива уголовной ответственности (ст. 669 СЗРИ), что сочетается с поздним римским подходом (D.47.1.3).

Статьи 671, 672, 673 СЗРИ определяли убытки вследствие присвоения чужого имущества, при этом его цена определялась на момент его уничтожения или на момент вынесения решения по выбору потерпевшего, что соотносится с определением высшей цены по Аквиллиеву закону (D.9.2.2, D.9.2.21 и др.).

Римские квазиделикты практически не просматриваются. Так, решение 1869 № 1073⁹ (отказ в привлечении хозяина заведения, от которого не зависел убыток посетителя) противоречит римской безвиновной ответственности хозяина за действия слуг (D.4.9.7). Снова подтверждается отрицание отечественным правом концепции безвиновной ответственности.

В кассационной практике Правительствующего сената воспроизводился римский состав убытков как реального ущерба и упущенной выгоды («... интереса, связанного с пользованием этой вещью или правом»)¹⁰ Показательно использование кальки «интерес» – понятие, обозначающее упущенную выгоду в римском праве.

Правительствующий сенат неоднократно подчеркивал значение противоправности как условия ответственности, что было справедливо и применительно к римским деликтам (D.9.2.5.1). В качестве одного из примеров непротивоправных действий приводится отказ от заключения брака при наличии помолвки 1870 № 403¹¹. Как известно, в классическом римском праве отказ от помолвки не являлся основанием для возмещения убытков [16, с. 6].

Следует отметить, что в раздел, посвященный «вознаграждению за вред», вносились изменения, которые А. М. Гуляев приводит в качестве яркого примера устранения пробелов российского законодательства посредством обращения к римскому праву [3, с. 14].

⁹ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. 2-е изд., неофиц. Екатеринбург: Изд-е Л. М. Ротенберга, 1903. С. 1718–1719.

¹⁰ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1880 год. 2-е неофиц. Екатеринбург: Тип. Исака Когана, 1912. С. 279.

¹¹ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената за 1870 год. 2-е изд., неофиц. Екатеринбург: Изд-е Л. М. Ротенберга, 1903. С. 549–551.

Обратимся к характеристике обязательств из причинения вреда у цивилистов XIX в. Д. И. Мейер термин «деликт» употребляет только один раз [9, с. 612], но, характеризуя «нарушение прав», дифференцирует волю, направленную к противозаконному действию, с использованием латинских терминов (*dolus*, *culpa lata*, *culpa levis*); виды ущерба как *damnum emergens* и *lucrum cessans*; приводит понятие солидарной ответственности (*in solidum*) и т. п. [9, с. 169–179].

К. П. Победоносцев, обозначая виды убытков, также ссылается на латинскую терминологию [12, с. 559] (что стало общим местом в дореволюционной цивилистике), воспроизводит римские правила об ответственности за случайную гибель вещи (*casum sentit dominus*) [12, с. 560]. Он считал недостатком современного ему законодательства отсутствие ответственности за еще не наступивший вред, в отличие от римского права (иски *operis novi nunciatio* и *cautio damni infecti*) [12, с. 559].

П. П. Цитович, выделяя три условия ответственности (вина, противоправность, отсутствие согласия потерпевшего), каждое из них снабжает римской сентенцией [17, с. 56]. Разумеется, приводятся в соответствующем контексте понятия, связанные с возмещением вреда (*damnum emergens*, *lucrum cessans*, *restitutio*, *alimenta*) [17, с. 57–58].

К. Н. Анненков, выделяя «недозволенные» действия, начинает их характеристику с экскурса в римское право, а именно давая определение (со ссылкой на Ю. Барона) деликта *furtum* [1, с. 418], присоединяя к нему перечень других видов римских деликтов (всего он находит восемнадцать составов) [1, с. 418–420].

Обращение к понятийному аппарату деликтного римского права наблюдалось и в доктринальной литературе. Так, В. И. Голевинский в своей монографии выделял среди обязательств деликты и квазиделикты [2, с. 37], именуя первые «гражданскими преступлениями» (*delictum privatum*) [2, с. 135, 138 и сл.]. Показательно восприятие римской классификации как основополагающей, не говоря уже об отсылках по всему тексту к «мнению римских юристов», «римскому праву» и оперировании соответствующей латинской терминологией и даже целыми сентенциями. Следует отметить недостаточную доктринальную разработанность деликтов в отечественной цивилистике дореволюционного периода. Например, по проблеме причинения вреда несколькими лицами, как отмечает К. Н. Анненков, Д. И. Мейер, К. Д. Кавелин, Г. Ф. Шершеневич ограничивались пересказом действующего законодательства и очень краткие пояснения давал К. П. Победоносцев [1, с. 429]. Современные исследователи отмечают как то, что положения обязательств из причинения вреда в значительной мере основывались на положениях римского права, так и то, что изучению данных обязательств большого внимания в рассматриваемый период не уделялось, просматривается явный недостаток сочинений по данной сфере [15, с. 7, 9–10]. Прямое обращение к римским деликтам при рассмотрении отечественного гражданского права практически сошло на нет в предреволюционный период. В. И. Синайский при рассмотрении обязательств из причинения вреда ни разу к нему не обращается [14, с. 222–249].

Таким образом, на протяжении почти тысячелетия отечественное право воспринимало римские деликты по большей части через право византийское, которое присутствовало не только в виде отдельных реципируемых норм, но и в форме переведенных актов. При этом отечественное право не воспринимало римский концепт безвиновной ответственности.

Судебная практика и цивилистическая доктрина XIX в. в сфере деликтной ответственности активно воспринимали базовые понятия и подходы римского права, прямое обращение к которому практически сошло на нет к началу XX в., поскольку на указанной основе были сформулированы собственные положения об обязательствах из причинения вреда. Через преемственность цивилистической доктрины и последующие гражданские кодексы они дошли до настоящего времени.

Список литературы

1. **Анненков К.** Система русского гражданского права. Т. IV. Отдельные обязательства. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. 644 с.
2. **Голевинский В. И.** О происхождении и делении обязательств. Варшава: Тип. О. Бергера, 1872. 302 с.
3. **Гуляев А. М.** Об отношении русского гражданского права к римскому (вступ. лекция, чит. 16 сент. 1894 г.). Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира В. И. Завадского. 1894. 16 с.
4. **Иванова А. Р.** Рецепция римского права на древнерусское законодательство и ее отличительные черты // Молодой ученый. 2023. № 4(451). С. 250–252.
5. **Калачов Н.** О значении Кормчей в системе древнего русского права. М.: Унив. тип., 1850. 80 с.
6. **Ключевский В. О.** Сочинения в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. Ч. I. М.: Мысль, 1987. 430 с.
7. **Костин С. П.** Развитие гражданского процессуального законодательства Российской империи во второй половине XIX века: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 21 с.
8. **Максимейко Н. А.** Опыт критического исследования Русской правды. Вып. 1. Краткая редакция. Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и с-вья, 1914. 217 с.
9. **Мейер Д. И.** Русское гражданское право. Чтения, изданные по запискам слушателей: с приложением биографий и портретов Д. И. Мейера и А. И. Вицына и 3-х указателей [под ред. Вицына А. И., испр. и доп.: А. Х. Гольмстен]. 10-е изд., испр. и доп. Петроград: Изд-во Н. К. Мартынова, 1915. 715 с.
10. **Медведев И. П.** Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001. 575 с.
11. **Неволин К. А.** Полное собрание сочинений К. А. Неволина. Т. 5: История российских гражданских законов. Ч III. Кн. 2. Об имуществах. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1858. 522 с.
12. **Победоносцев К. П.** Курс гражданского права. Ч III: Договоры и обязательства. М.: Статут, 2003. 622 с.
13. **Полежаева О. Г.** Становление и развитие института возмещения вреда в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. 22 с.
14. **Синайский В. И.** Русское гражданское право. Вып. II: Обязательственное, семейное и наследственное право. Киев: Типо-Литография «Прогресс», 1918. 300 с.
15. **Сухомлинов О. И.** Правовое регулирование обязательств из причинения вреда в России во второй половине XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 4 (28). С. 7–16.
16. **Хвостов В. М.** Система римского права: конспект лекций проф. Моск. ун-та В. М. Хвостова. Семейное право; Наследственное право. М.: Тип. Вильде, 1909. 147 с.
17. **Цитович П. П.** Русское гражданское право. Общая часть. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1894. 80 с.
18. **Щапов Я. Н.** Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978. 290 с.
19. **Feldbrugge F.** A History of Russian Law. From Ancient Times to the Council Code (Ulozhenie) of Tsar Aleksei Mikhailovich of 1649. Boston; leiden: Brill, 2018. 1097 p.

References

1. **Annenkov K.** Sistema russkogo grazhdanskogo prava. V. IV: Otdel'nye obyazatel'stva. St. Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevich, 1904. 644 p. (in Russ.)
2. **Golevinskij V. I.** O proiskhozhdenii i delenii obyazatel'stv. Warsaw: Tipografija O. Bergera, 1872. 302 p. (in Russ.)

3. **Guljaev A. M.** Ob otnoshenii russkogo grazhdanskogo prava k rimskomu (vstupitel'naja leksiya, chit. 16 sent. 1894). Kyiv: Typo-litografija Imperatorskogo Universiteta svjatago Vladimira V. I. Zavadsкого, 1894. 16 p. (in Russ.)
4. **Ivanova A. R.** Receptsiya rimskogo prava na drevnerusskoe zakonodatel'stvo i ee otlichitel'nye cherty. Molodoj uchenyj = Young scientist, 2023, no. 4 (451), pp. 250–252. (in Russ.)
5. **Kalačov N.** O znachenii Kormchej v sisteme drevnego russkogo prava. Moscow: Universitet typography, 1850. 80 p. (in Russ.)
6. **Kljucevskij V. O.** Sochinenija v devjati tomah. V. I: Kurs russkoj istorii. Chast' I. Moscow: Mysl', 1987. 430 p. (in Russ.)
7. **Kostin S. P.** Razvitie grazhdanskogo processual'nogo zakonodatel'stva Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka: Istoriko-pravovoe issledovanie: autoref. dis. ... kand. law sciences. Moscow, 2009. 21 p. (in Russ.)
8. **Maksimеjko N. A.** Opyt kriticheskogo issledovanija Russkoj pravdy. Vypusk 1: Kratkaia redakcija. Kharkov: Tip. i lit. M. Zil'berberg i s-v'ya, 1914. 217 p. (in Russ.)
9. **Mejer D. I.** (ed.); Vicyn A. I., ispr. i dop.: Gol'msten A. H. Russkoe grazhdanskoe pravo. Chteniya, izdannye po zapiskam slushatelej: s prilozheniem biografij i portretov D. I. Mejera i A. I. Vicyna i 3 h ukazatelej. 10 e izd., ispr. i dop. Petrograd: Izdatel'stvo N. K. Martynov, 1915. 715 p. (in Russ.)
10. **Medvedev I. P.** Pravovaja kul'tura Vizantijskoj imperii. Saint Petersburg: Aletejia, 2001. 575 p. (in Russ.)
11. **Nevolin K. A.** Polnoe sobranie sochinenij K. A. Nevolina. V. 5: Istorija rossijskih grazhdanskih zakonov. Chast' tret'ja. Book 2: Ob imuscestvah. Sankt-Peterburg: Tipografija Eduarda Praca, 1858. 522 p. (in Russ.)
12. **Pobedonoscev K. P.** Kurs grazhdanskogo prava. Chast' tret'ja: Dogovory i obyazatel'stva. Moscow: Statut, 2003. 622 p. (in Russ.)
13. **Poležajeva O. G.** Stanovlenie i razvitie instituta vozmeshchenija vreda v Rossii: autoref. dis. ... kand. law sciences. Vladimir, 2005. 22 p. (in Russ.)
14. **Sinajskij V. I.** Russkoe grazhdanskoe pravo. Vyipusk II: Obyazatel'stvennoe, sem'ejnoe i nasledstvennoe pravo. Kyiv: Tipo-Litografija "Progress", 1918. 300 p. (in Russ.)
15. **Sukhomlinov O. I.** Pravovoe regulirovanie obyazatel'stv iz prichineniya vreda v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki = News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences, 2013, no. 4(28), pp. 7–16. (in Russ.)
16. **Hvostov V. M.** Sistema rimskogo prava: Konspekt leksiy prof. Mosk. un-ta V. M. Khvostova. Semeynoe pravo; Nasledstvennoe pravo. Moscow: Tip. Vil'de, 1909. 147 p. (in Russ.)
17. **Citovich P. P.** Russkoe grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'. Kiev: Tipografiya I. I. Chokolova, 1894. 80 p. (in Russ.)
18. **Ščapov J. N.** Vizantijsko-e yujnoslavjansko pravovo nasledie na Rusi in XI–XIII. Moscow: Nauka Publ., 1978. 290 p. (in Russ.)
19. **Feldbrugge F.** A History of Russian Law: From Ancient Times to the Council Code (Ulozhenie) of Tsar Alexei Mikhailovich of 1649. Boston; Leiden: Brill, 2018. 1097 p.

Информация об авторе

Зыков Сергей Викторович, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Information about the Author

Sergey V. Zykov, Researcher of Institute of Philosophy and Law Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 05.09.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 22.09.2025*

*The article was submitted 05.09.2025;
approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 22.09.2025*